

Александр ВАРГО
и «Апостолы Тьмы»

БАБОЧКА

*Осторожнее с мечтой!
Она может сбиться...*

18+

МУСТ. Черная книга 18+

Александр Варго

Бабочка

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Бабочка / А. Варго — «Эксмо», 2018 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-04-097172-5

Парочка отморожков, Юта и Клай, после совершенного ими убийства скрывается в лесу. Начинается гроза, и молодые люди прячутся в странном обветшалом доме с заколоченными окнами. Дом оказывается обитаемым. Хозяин — толстый неряшливый парень — накормил продрогшую парочку ужином и начал читать им рассказ собственного сочинения о парализованной девочке, которая мечтала превратиться в бабочку. Ее мечту исполнил сумасшедший доктор, ампутировав девочке руки и ноги и подвесив к потолку на ремнях... Клай и Юта внимательно слушали рассказ, даже не догадываясь, что всё в этой истории, от начала до конца, правда. Увлеченные сюжетом, они не обратили внимания на люк чердака, закрытый на замок...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097172-5

© Варго А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Александр Варго	5
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Александр Варго Бабочка

Александр Варго Бабочка

«Счастье капризно и непредсказуемо, как бабочка: когда ты пытаешься его поймать, оно ускользает от тебя, но стоит отвлечься – и оно само опустится прямо в твои ладони...»

Генри Дэвид Торо

14 октября, 2003 г.

Где-то в лесах Подмосковья

Промозгло-сумрачный лес, словно липкой паутиной, медленно, но неуклонно оплетала вязкая ночь. Казалось, непроглядно-стылая тьма впитывалась в каждую чешуйку коры, каждый листик, каждую веточку и даже сосновую иголочку. Высоченные стволы многолетних сосен, упираясь своими колючими верхушками в разбухшее небо, напоминали солдат-гигантов, застывших в безмолвном строю.

Сквозь непролазную чащу, спотыкаясь о завалы сырого валежника и бурелома, брели двое. Одежда на них была практически одинаковой, издали делая их похожими на близнецов – темные джинсы, заляпанные грязью высокие ботинки на толстой подошве, короткие черные бомберы, накинутые на головы капюшоны. Лишь более узкие плечи одного из путников и торчащая из-под капюшона светлая челка наводили на предположение, что это девушка.

– Твою мать, – процедил парень, с чавканьем вытаскивая ногу из зловонно-мутной лужи. – Еще, мля, болота тут не хватало... Мало того, что тачка сломалась... Что за непруха!

– Ну да, – хмыкнула его попутчица, уныло глядя перед собой. – У тебя все виноваты. Как в анекдоте про Ржевского... «Все пидарасы, а я граф Монте-Кристо...»

– Юта, заткнись, – окрысился молодой человек. С неба упали первые капли дождя, и он задрал голову, жадно лоя их ртом. Лицо парня было измазано подсыхающей кровью. – Не зли меня.

– Это ты во всем виноват, придурок, – угрюмо продолжала Юта. – Я ведь предупреждала тебя. Но нет, ты полез на эту вонючую заправку... Пуская слюни от возбуждения, прямо как зэк на бабу после отсидки. Не хотел меня слушать, Клай? Получи и распишись.

– Кто мог знать, что за эту суку на кассе впряжется байкер? – злобно огрызнулся парень. – Он вылез так быстро... Как пластмассовый уродец на пружинке из шкатулки...

– Потому что они знали друг друга, – раздраженно объяснила девушка. – Они давили лыбу друг другу и перемигивались, пока рассчитывался предыдущий клиент. Я делала тебе знаки, но ты же ни хера кроме кассы не видел! Скажи спасибо, что тебе только нос расквасили, прежде чем ты воткнул в его пузо нож... Но эта накрашенная манда успела сорвать с меня капюшон, и я засветилась на камерах.

– Не ссы, – ухмыльнулся Клай, продолжая шагать вперед. – Пока ты чистила кассу, я вынул флешку. Так что хрен нас найдут...

Юта схватила его за локоть.

– Клай, на бензоколонке осталось два трупа, – тихо проговорила она. – Сколько мы взяли? Двенадцать штук? Офигенно! Это стоило того? В тачке, что ты увел, наверняка остались твои «пальцы», которые есть в «мусорской» базе. Найти нас – что в лужу пернуть.

– Я уже набздел в штаны от страха, – презрительно хмыкнул Клай. – Напугала ежа голым задом.

– Ты завалил байкера, – продолжала Юта. – Если бы ты был внимательным, то заметил бы на его спине «цвета».

Лицо парня приняло кислое выражение.

– Какие еще, в задницу, цвета? – поморщился он. – Он пидор, что ли?

– Неуч... Я когда-то тусовалась с байкерами. Некоторые из них состоят в клубах. Так вот, у этого бородатого хрена на жилетке «цвета», он «клубный». И его кореша, надо думать, очень захотят узнать, кто провентилировал брюхо их жирного товарища.

Клай резким движением вырвал руку.

– Херня все это!

– У тебя сломан нос, и все шмотки в крови, – не унималась Юта. – Даже дождь их не смоеет.

– Если для тебя все так отстойно, то убейся об дуб, – раздраженно предложил Клай и указал пальцем на ближайшее дерево.

– Это елка.

– Хорошо. Убейся об елку, истеричка. Ты меня достала.

Юта вздохнула.

– Надо пробираться к трассе и ловить попутку, – вслух рассуждала она. – Мы отошли всего на пару километров от шоссе, и скоро здесь будут менты. В этой дремучей чаще нам не хрена ловить. Ты же не хочешь тут болтаться всю ночь?!

– Никакой трассы, – отрезал Клай. – В такое время и в такой дыре нас никто не подберет. Я видел ЛЭП, перед тем как сломалась тачка, а значит, тут наверняка есть какие-нибудь дачи. Или гребаные фермы.

– С гребаными коровами и свиньями, – закончила вместо него Юта. – Это все клево, но я не хочу шарахаться всю ночь под дождем в лесу. Ты...

– Умолкни, – приказал Клай, и стальные нотки, прозвучавшие в голосе молодого человека, заставили ее тут же затихнуть.

Он развернулся, сверля подругу безжизненно-ледяным взглядом.

– Если ты не со мной, ты ни с кем. Поняла? Останешься здесь, в канаве, в качестве жарчки для енотов и лисиц.

Даже в сгущавшихся сумерках было видно, как побледнело лицо Юты.

– Клай, я просто... – начала она, но он ее прервал:

– И еще. Назовешь меня снова придурком, я вышибу тебе зубы. Обращайся так к своему папаше.

– Мой папаша склеил лапы год назад, – мрачно заметила девушка, и Клай холодно улыбнулся.

– Я знаю. Это ведь я утопил его по твоей просьбе, помнишь?

Он подмигнул Юте, и та отвернулась.

– Обиделась? – равнодушно спросил Клай, пихнув ее в плечо. – Зря. Старик начал насаживать тебя на свой кривой болт, когда тебе едва исполнилось десять, и ты ему все прощала. Так что захлебнуться в ванне у себя дома – просто святой подарок для такой гниды.

– Перестань. Мы ничем не лучше его.

– Он был больным ублюдком, – обронил Клай. – А мы просто живем в кайф.

«Угу» – с тоской подумала Юта, едва волоча ноги по влажной листве. «Кайф... Наверное, это все, о чем я мечтала всю жизнь...»

– Что ты собираешься делать? – спросила она, желая сменить неприятную тему о покойном отце.

– Найдем какую-нибудь халупу, – не глядя на девушку, откликнулся парень. – Переночуем.

– Ты так и заявишься – с разбитой мордой, весь в крови? – недоверчиво спросила Юта. – Хозяева могли услышать новости о месиве на бензоколонке и позвонят ментам.

– Там видно будет, – спокойно ответил Клай. Его рука неосознанно коснулась кармана бомбера, в котором покоился складной нож с еще свежими следами крови.

«А если позвонят, этой ночью будут новые трупы», – подумал он, внезапно испытав странное возбуждение.

Легкая морось перешла в плотную стену дождя, и путники прибавили шаг.

* * *

Спустя полчаса, окончательно выбившись из сил, они остановились. Озлобленные, уставшие, продрогшие и вымокшие до нитки, Юта и Клай встревоженно оглядывались по сторонам, словно втайне надеясь, что вот-вот за черными блестящими ветками, скрюченными как лапы древней рептилии, мелькнет огонек какой-нибудь обветшалой сторожки.

– Клай, где мы? – заскулила Юта. В ее расширенных глазах пробежала рябь затаенного страха, грозящая перейти в волны неистовой паники. – Мы же заблудились, верно? Что ты молчишь?

– Захлопнись, – бросил парень, двигаясь дальше. – От твоего нытья ноют зубы и пухнут яйца.

Юта хотела огрызнуться, но вовремя прикусила язык. Она хорошо знала Клая и понимала, что вступать с ним в перепалку в нынешней ситуации было равносильно тому, если бы она начала дразнить разъяренную кобру.

Глубоко вздохнув, она уже намеревалась двинуться за приятелем, как внезапно глаза ее округлились.

– Клай! Клай, стой, – позвала она, напряженно вглядываясь в темноту. Сквозь толстые стволы деревьев темнело что-то массивное, очертаниями напоминая громадный дом.

Клай обернулся, и, подойдя ближе, раздвинул ветки.

– Фигасе, – присвистнул он, не веря своим глазам. – Еще бы чуток, и провафлили бы...

Они вышли на небольшую полянку, заросшую высокой травой. Окруженный густыми раскидистыми деревьями, в паре десятков метров от них высился массивный бревенчатый сруб с двухскатной крышей.

Беглецы обменялись многозначительными взглядами.

– Избушка, похоже, заброшена, – неуверенно произнесла Юта, разглядывая спящий дом.

– Это легко проверить, – пробормотал Клай, пробираясь к грубо сколоченному крыльцу. Безуспешно подергал за проржавевшую ручку, после чего сплюнул:

– Заперто. Но это даже лучше. Вскроем эту старую целку и обсушимся внутри. Может, что полезного найдем.

Молодой человек уже приготовился нанести удар ногой в дверь, как на его плечо легла рука девушки:

– Давай обойдем кругом. Может, там есть открытые окна.

Помедлив, Клай согласился.

Где-то вдали, разрывая небо, оглушительно загрохотал гром, и Юта боязливо вздрогнула. Память, словно послушный принтер, тут же выкатила в сознании листок с изображением ее знакомого, которого полгода назад убило молнией.

Его звали Алексей. Хотя чаще называли Леликом, как собачку. Лелик туда, Лелик сюда. Дай в долг, сбегай за пивом.

У бедолаги от рака умирала мать, и он с ног сбился, пытаясь заработать. Какие-то «умные» люди, любители нестандартных развлечений предложили Лелику пари на штуку «зелени» – простоять пятнадцать минут на крыше недостроенной высотки во время грозы с поднятой рукой да еще с мобильником. Парень согласился. Вероятно, на такой опасный эксперимент пошли бы многие, окажись они в ситуации парня. Конечно, хреново, когда твою матушку изнутри пожирает голодная тварь, по капле высасывая жизнь. Но Юта ходила на уроки физики и хорошо знала, что шансы выжить у Лелика были точно такие же, если бы он играл в русскую рулетку с одним пустым гнездом в барабане или попытался переплыть Тихий океан в жестяном корыте.

Сие действие проходило на крыше во время сильного ливня и собрало массу зевак. Кто-то фоткал «героя» на «мыльницы» (мобильники с камерами тогда были у немногих), кто-то вертел у виска пальцем, называя Лелика дебилом, а кто-то втайне мечтал, чтобы за эти пятнадцать минут молния все же достала этого безумца... Собственно, мечта последних осуществилась на тринадцатой минуте. Все, что запомнила Юта – зловещий треск неба, ослепительная вспышка, и все. Лелик рухнул замертво, вероятно, даже не поняв, что с ним случилось. Его волосы дымились, как головешка, а с руки слезло мясо по локоть. Сам мобильник превратился в расплавленную кляксу, намертво прилипнув к обгорелым пальцам. Войдя через руку, кинжальный разряд в несколько миллионов вольт взорвал сердце парня и вышел через обе ноги, обуглив пятки...

Юта поехала, вспоминая, как многие кинулись фотографировать дымящийся труп, который еще секунду назад был живым человеком.

Первое попавшееся им окно оказалось заколоченным.

– Дом пустой, – подвел итог Клай, постучав кулаком в мокрые доски. – Причем давно. Видела, какая трава? Почти до жопы.

Пока он рассуждал, Юта прошла еще немного, остановившись у следующего окна. Приблизив лицо к заколоченным доскам, она моргнула, словно прогоняя неприятное видение. Сквозь узенькую щелочку блеснул огонек.

– Клай, – шепотом позвала она.

– Ну?

– Похоже, внутри кто-то есть.

Молодой человек шагнул к ней, недоверчиво всматриваясь в щель. Затем приложил ухо, и через мгновение его брови выгнулись дугой.

– Что там? – напряженно спросила Юта, внимательно следя за выражением лица друга, но Клай лишь прижал к губам указательный палец.

Наконец он отлип от окна, его лицо приняло обескураженное выражение.

– Похоже, там кто-то кого-то дрючит, – проговорил он, почесав затылок. – Такие звуки ни с чем не спутаешь. Присоединимся, моя горячая амазонка?

Юта неуверенно пожала плечами.

– Мы не знаем, кто там, – сказала она, вытирая дождевые капли с лица.

– Тогда самое время узнать, – хрипло проговорил Клай. Морозно-голубая молния ланцетом рассекла ночное небо, на мгновение осветив его бледное лицо. Дождь успел немного очистить кожу от крови, но алые разводы еще оставались на щеке и подбородке парня.

Не дожидаясь ответа Юты, он двинулся к крыльцу, и девушка последовала за ним.

– Сейчас ты их напугаешь своим стуком, и у бабы в вагине хрен застрянет, – хихикнула она.

– Вполне себе может быть, – кивнул Клай. – Только не забывай, что там могут быть мужики. У них тоже задницы сжимаются?

– Не знаю, – призналась Юта.

– А может, там бабы. Или вообще, некрофил.

– Тогда ему повезло. У мертвяков уже ничего не сокращается, – резонно заметила она.

Клай громко постучал. Некоторое время ничего не происходило, затем до слуха молодых людей донесся звук шаркающих шагов. Клай подобрался, как тугая пружина. Он кивнул Юте, подавая знак, чтобы в случае стандартного вопроса «Кто там?» отвечала она, и девушка уже приготовилась выпалить наспех придуманную сказку про аварию на дороге, как в замке заскрежетал ключ, и дверь со скрипом открылась. Наружу высунулась чья-то взъерошенная голова с пухлыми щеками.

«Парень, – мелькнуло у Юты в голове. – Совсем щенок...»

Увидев вымокших путников, юноша расплылся в туповатой улыбке.

– Добрый вечер, – гнусаво протянул он. – А я думал, что это тетя Аня там ходит.

Клай и Юта обменялись многозначительными взглядами.

– Привет, – сказал Клай, дружелюбно улыбаясь. – Ты что, ждешь тетю?

Юноша с готовностью кивнул.

– А дома есть кто-то еще? – осторожно поинтересовалась Юта.

Тот засунул палец в ухо.

«Как будто там кнопка специальная, которая выдает подсказку», – подумала Юта, и почему-то ей стало смешно. Похоже, этот чудик с невымытыми волосами не очень-то дружит с головой.

– Не-а, – ответил парень, внимательно разглядывая палец, которым исследовал ухо. – Только я и тетя Аня.

– Впустишь нас? – вкрадчиво проговорил Клай. – У нас сломалась машина, и мы заблудились.

– Да, – кивнул толстяк, отворяя дверь настежь и пропуская продрогшую пару внутрь. – Людям надо помогать. Надо быть добрым.

Улыбаясь влажными от слюней губами, он стоял в темном коридоре, выпятив рыхлый живот. У него был вид не в меру располневшего ребенка, который в новогоднюю ночь обнаружил под елкой свою долгожданную игрушку.

– Хочу с вами познакомиться, – сказал он, протягивая Клаю руку. Тот пожал ее, однако тут же одернул назад, брезгливо вытирая об джинсы.

– Я Дима Букин, – представился юноша, которого, казалось, ничуть не смутила реакция Клая. Он перевел взгляд своих маслянистых глаз на Юту. – Дима Букин.

– Лена, – сказала Юта. Она с сомнением посмотрела на толстую бледную руку парня и лишь кивнула вместо рукопожатия.

– А я Вася, – хмуро отозвался Клай.

– Идемте, – предложил юноша и, переваливаясь из стороны в сторону, двинулся по коридору.

– Я сейчас схожу в туалет, – предупредил он, когда они оказались в крошечной комнате с низким потолком. – А вы меня ждите.

– Конечно, будем ждать, – закивал с серьезным видом Клай. – Ты там аккуратней, дружище. Не провались случайно.

– Я не провалюсь.

Юта прыснула, не удержавшись.

Дима тоже заулыбался бессмысленно-идиотской улыбкой, с уголка губ потянулась блестящая ниточка слюны. Его круглое лицо было совершенно ровным, как ком теста, в который вдавили бесцветные глаза-пуговицы. Когда он улыбался, казалось, кто-то невидимый стоял за спиной полоумного, растягивая кончиками пальцев его рот в разные стороны.

– Там дырка слишком маленькая, – пояснил Дима. – Поэтому я не упаду.

Клай вздохнул.

– Иди-иди, – буркнул он, плюхаясь на грубо сколоченный топчан, укрытый ветхим одеялом.

Дима засеменял прочь, то и дело оглядываясь.

– Похоже, этот придурок трахал свою руку, – приглушенно сказал Клай, вновь вытирая пальцы об одеяло.

Юта изумленно уставилась на друга, и лишь когда до нее дошел смысл сказанного, брезгливо скривила губы.

– Он ненормальный, Клай, – тихо сказала она. – И мне не нравится, что он ждет какую-то тетю. Посмотри, в какой дыре он живет. Сюда ни одна тачка не проедет. Получается, его тетя по лесу в такую погоду шляется?

– Послушай, Юта... Может, и нет никакой тети, – сказал Клай. – Нужно потрясти этого толстяка. Наверняка в доме что-то есть.

Юта оглянулась. Два колченогих табурета и старый рассохшийся стол – вот и вся обстановка в комнате. Подоконник был завален потрепанными толстыми тетрадами на пружинах. Электричества в доме, похоже, не было, поскольку на столе стояло несколько консервных банок с горящими свечами.

Дима вернулся спустя минут пять, неся ворох скомканных тряпок.

– Вытритеесь. А то заболете, – сказал он, держа их перед собой.

– Нет уж, – отказался Клай, все еще помня его липкое рукопожатие. – Как-нибудь так обсохнем. И вообще, мы закаляемся.

Толстяк бросил тряпки прямо на пол, шагнув ближе, и Клай с Ютой смогли рассмотреть странного жильца избы более внимательно. Пшеничные жидкие волосы висели, словно влажная солома, лоб и приплюснутый нос усеяны зреющими угрями. На парне был донельзя засаленный комбинезон из затертой джинсы и изжеванная майка в грязных разводах. Ноги толстяка были босыми, под давно не стриженными ногтями чернела грязь. Судя по всему, в последние месяцы он не особенно обременял себя обувью. Юта брезгливо отвернулась.

– А вы меня обманули, – вдруг сказал Дима, заговорщически подмигивая Юте.

– Да? Интересно, с какого перепоя ты так решил? – прищурился Клай.

– Вас по-другому зовут, – пояснил толстяк. Он ткнул грязным, пухлым как сарделька пальцем в Клая. – Ты не Вася.

Развернувшись на мозолистых пятках, он указал на притихшую Юту:

– А ты не Лена. Вы Клай и Юта.

«Ну вот и все, глупый придурок, – подумала Юта. – До этого я еще была готова впрячься за тебя, если Клай решил бы тебя прикончить... Но сейчас ты сам себе приговор подписал».

Лицо Клая потемнело.

– Ты что, подслушивал, засранец? – сквозь зубы проговорил он.

– Нет. Подслушивать нехорошо, – продолжая безмятежно улыбаться, ответил Дима. – Просто я очень хорошо слышу. Даже в туалете. Не злитесь. Мне так даже больше нравится. Клай и Юта, круто звучит. Или Юта и Клай. Почти как Бонни и Клайд.

Юта кашлянула.

«Видать, не такой уж он и валенок», – с удивлением подумала она.

– Я тоже хочу кличку, – заявил Дима, почесав под мышкой. – Какую-нибудь здоровскую. А то все Дима, Дима...

– Ну что ж, давай тебе «погремуху» придумаем, – с усмешкой произнес Клай. Он запрокинул голову к затянутому паутиной потолку, словно там был нацарапан список кличек на выбор, и на несколько секунд задумался.

– Во. Придумал, – наконец произнес Клай. – Ты будешь Дудл.

– Дудл? – озадаченно переспросил Дима, теребя лямку комбинезона. – А... а почему Дудл?

– А почему не Дудл? – хладнокровно парировал Клай, и Дима-Дудл заулыбался, роняя капли слюны на грязный пол:

– Дудл, Клай и Юта... Класс! А тетю Аню как будем называть?

«Волосатая Жопа», – мысленно проговорил Клай, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не съездить в челюсть этому босоногому идиоту, пускающему слюни.

– Когда придет, тогда и решим, – встряла в разговор Юта.

– У вас дома есть телефон, Дудл? – спросил Клай, и толстяк покачал головой.

– Нет. Но тетя Аня обещала мне купить.

– Не сомневаюсь, – кивнул Клай. – Она, судя по всему, очень заботливая, эта твоя тетя Аня.

– Очень. Так как мы ее назовем? – не отставал новоявленный Дудл.

– Как тебе тетя Онания? – предложил Клай, которому этот недоумок уже начал надоедать. – Полагаю, она будет в восторге. И даже паспорт себе поменяет по поводу этого счастливого события. Если, конечно, он у нее есть...

Дудл засиял, как начищенный пятак.

– Здорово! Тетя Онания и Дудл...

Клай и Юта, едва сдерживаясь от смеха, посмотрели друг на друга.

– У тебя кровь, Клай, – внезапно сказал Дудл, указывая на лицо молодого человека.

– Это не кровь, – как можно беззаботней ответил Клай. – Это... томатный сок.

Толстяк понятливо кивнул, будто ждал именно этого ответа.

– Я тоже иногда на себя что-нибудь проливаю. Тетя Аня, то есть тетя Онания, меня ругает за это. А потом она отворачивается, а я ей фиги кручу в спину.

Он как-то странно посмотрел на Юту и вдруг задал вопрос:

– А вы любите друг друга?

– Очень, – буркнул Клай. – Так любим, что даже потеем... А иногда даже заикаться начинаем.

Толстая рука Дудла словно невзначай коснулась промежности, на котором влажнело пятно.

– Я бы хотел себе подружку, – мечтательно произнес он и провел кончиком языка по пухлым губам.

– Для того чтобы у тебя появилась подружка, нужно привести себя в порядок, – не выдержала Юта. – Помойся и постриги ногти. Это для начала.

Дудл с удивлением оглядел себя, будто слова девушки стали для него неожиданной новостью и откровением.

– Да? – задумчиво протянул он. Пошевелил грязными пальцами ног, затем поднял глаза на Юту:

– А ты бы могла со мной дружить?

– Слышишь, ты, жирный... – начал Клай, багровея от ярости, но Юта торопливо взяла его за руку, перебив:

– Дудл, мы проголодались. У тебя есть чего-нибудь?

Толстяк закивал, как китайский болванчик.

– Конечно, есть. Человек же не может ничего не кушать, – справедливо заметил он. – Он тогда умрет от голода. Сейчас я посмотрю...

– Нет, дружище, постой, – окликнул его Клай, слезая с топчана. – Составлю тебе компанию. Заодно покажешь свой дом, да?

Дудл с всасывающим звуком втянул в себя выступившую слюну.

– Тебе правда интересно? – не поверил он, облизнув губы.

– Очень. Давай, вперед.

Шаркая голыми подошвами, Дудл вышел из комнаты, и Клай, подмигнув Юте, заспешил следом.

– Здесь мы разговариваем и пьем чай, – пояснил Дудл, обводя рукой пространство следующей комнаты. По размеру она была чуть больше той, где осталась Юта. Обстановка скудная, как в лачуге спившегося алкоголика – громадный исцарапанный стол, несколько полуразваливающихся табуреток и продавленный облезлый диван. Единственное, что поразило Клая – огромные стеллажи, упирающиеся в потолок, полностью забитые книгами и пожелтевшими от времени журналами.

– Твоя тетя что, в библиотеке работает? – поинтересовался он.

– Не-а, – с безразличным видом отозвался толстяк. – Она это... как его...

– Что?

– Медсестрой раньше была, – вспомнил Дудл.

– Это хорошо. Клизмы и уколы тебе бесплатно, значит, делает, – с наигранным уважением сказал Клай.

– Что?

– Ничего. А это че за хрень?

С этими словами Клай указал на пол, где темнел квадратный люк с латунной ручкой.

– Это наш холодильник, – понизив голос, сообщил Дудл. У него был такой вид, словно он сообщал секретный код вечной молодости. Не без труда откинув дверцу, он взял со стола одну из свечей и начал осторожно спускаться вниз. Помедлив, Клай решил последовать его примеру.

– Вот огурцы, – начал перечислять Дудл, освещая пыльные банки на полках. Крошечный огонек пламени трепетал на сквозняке, и толстяк бережно прикрывал его пухлой ладонью. – Это кабачки. Там сало. А это рыба. Тетя Онания ее засолила, – с гордостью известил он.

– Тащи все, что в руках уместится, – велел Клай. Его взгляд уткнулся в пузыгую бутылку, горлышко которой было замотано заскорузлой тряпкой. – А это что?

Дудл покачал головой.

– Тетя Онания не разрешает это пить. Когда ее не было, я попробовал, а там горько. Меня даже вырвало.

– Отлично, – усмехнулся Клай, забирая бутылку. – То, что надо.

– Клай, она будет ругаться, – засомневался Дудл, глядя, как бутылка плавно переместилась с полки в руки его гостя.

– Ничего страшного. Я тебе секрет открою. После ужина долешь туда воды, чтобы «пузырь» был полным. Твоя горячо обожаемая тетюшка ни фиго не заметит.

– Хорошая идея, – обрадовался Дудл.

«А потом получишь по своей толстой жопе за разбавленное бухло, – подумал Клай, поднимаясь наверх. – Если я с вами раньше не разберусь...»

– Я вижу еще одно помещение, – сказал он, выглядывая из комнаты. – Что там?

– Кухня, – запыхавшимся голосом ответил Дудл. – Мы там готовим.

«Логично, – отметил Клай, заглядывая внутрь и держа перед собой свечку. – Хотя я бы не удивился, если бы ты там устроил спальню или сортир».

В углу кухни располагалась самодельная печка из кирпича, вокруг в беспорядке валялись дрова, на крошечном столике высилась груда грязной посуды.

– А воду где берете? – спросил Клай, открывая заслонку в печке. Угли были еще теплыми, помаргивая своими рубиновыми глазами.

Дудл неопределенно махнул рукой.

– У нас ручей тут рядом, – сказал он. – Картошку будешь? Я сварил.

– Все буду, – рассеянно ответил Клай, потеряв интерес к кухне. Он с разочарованием отметил, что поживиться в этой халупе было абсолютно нечем. Оставалась надежда, что у

тети «Онании» можно будет позаимствовать пару рублей. А может, у нее найдется даже какая-нибудь «ювелирка». Должно же быть хоть что-то ценное в этом гадючнике?!

Он открыл какую-то дверь и тут же поморщился от запаха экскрементов. Прямо в полу зияла источавшее зловоние дыра, небрежно прикрытая рваной газеткой.

– Это туалет, – похвастался Дудл. – Видал? И ничего смывать не надо!

– О да, – кивнул Клай, морщась от невыносимой вони. – Супер-пупер-сортир... Надо же додуматься, выкопать парашу прямо в доме... Ты, наверное, и душ прямо здесь принимаешь?

– Не. Я в ручье моюсь.

– Ага. И последний раз это было в прошлом году, – хмыкнул Клай, запирая дверь.

– Чего?

– Забей, проехали. А что на втором этаже? – полюбопытствовал Клай, глядя на темнеющие ступеньки, которые уходили куда-то вверх.

– Там комната тети Онании, – последовал ответ. Было видно, что Дудл утомился выступать в роли гида собственного дома, и он был бы не прочь приступить к ужину. – Пойдем есть, друг.

Ничего не ответив, Клай начал подниматься наверх. Дудл, помявшись, двинулся за ним, кряхтя и сопя от напряжения – его руки были заняты провизией, которую он набрал из погреба.

Клай остановился у двери, удивленно глядя на массивный замок, висящий в петлях.

– На хрена твоей тете запирает дверь? Бойтся, что ты там еще один туалет устроишь?

Дудл пожал плечами.

– Она там богу молится, – сказал он, шмыгнув носом. – Не любит, когда я захожу туда.

«Может, как раз именно туда мне и нужно?» – шевельнулась у Клая затаенная мысль.

– Я хочу посмотреть, что внутри, – сказал он, но Дудл лишь глупо улыбнулся.

– Нет, Клай. Она всегда берет с собой ключ.

– Тогда я сломаю дверь.

Клай поставил бутылку со спиртным на пол и ударил ногой. Раздался глухой хруст, но дверь не шелохнулась.

«Сделано на совесть», – мелькнула у молодого человека мысль.

– Клай, не надо, – попросил Дудл. На его пухлом лице отразился испуг. – Тетя Онания придет, и я попрошу, чтобы она показала тебе комнату.

– И она с удовольствием последует твоему совету, – в тон идиоту продолжил Клай. – Ведь она так обрадуется ночным гостям... Ладно.

«Дождемся старуху и вскроем эту конуру, – решил он. – Все равно дверь крепкая, с двух ударов ее не выбить».

– Я все приготовлю, а вы меня подождите, – сказал Дудл.

Клай молча спустился вниз и, войдя в комнату, поставил бутылку на стол.

– Трофей, – с усмешкой произнес он, с треском отдирая от горлышка засохшую тряпицу.

Открыв бутылку, принялся. Так и есть, водка.

– Смотри, что я нашла, – сказала Юта, толкнув ногой бесформенный предмет на полу.

– Что там? – спросил Клай, наклоняясь, чтобы разглядеть его получше.

Юта с отвращением скривила губы.

– Он извращенец.

Клай осторожно поднял странный предмет за сальные пакли, приблизив его к свечам. На него, ухмыляясь, пялилось неуклюже намалеванное лицо женщины, изображенное на сдувшемся футбольном мяче. Губы жирно обведены багровой краской, веки неумело закраснены синим цветом. В качестве волос были использованы обрывки тряпья, приклеенные смолой. Посреди громадного рта темнело неровное отверстие в мутных разводах.

– А говорил, что у него подруг нет, – сказал Клай, хихикнув. – Вон, какая секси-башка с рабочим ртом... А Дудл своей девушке, точнее ее голове, с собственной рукой изменяет...

- Тьфу, мерзость, – сплюнула Юта. – Я сначала не поняла, что он в эту дыру...
- Было бы интересно посмотреть, как этот жирдяй наяривает футбольный мяч, – разве селился Клай, держа «голову» за лохмотья «волос». – И в Интернет выложить, а?
- Говори потише.
- Да по херу, – беспечно проговорил Клай. – Где ты нашла это произведение искусства?
- Под кроватью, – ответила Юта, и тот закатил ногой сдувшийся мяч обратно под топчан.
- Ему жить-то осталось от силы час, – прошептал Клай. – Подождем старуху, и все закончится. И где шастает родственница этого дебила?
- Клай, у меня было такое чувство, что за окном кто-то есть, – вдруг сказала Юта. Она посмотрела на толстые доски, которыми было наглухо заколочено окно.
- Почему они закрыли все окна?
- Потому что он стесняется, – с усмешкой пояснил Клай. – Может, он не хочет, чтобы видели, как он шпилит дырявый мяч, а в перерывах гоняет шары в своем проперженном комбезе. К тому же мы не знаем, какие тараканы в голове у его тети, с которой я прямо-таки жажду познакомиться. Может, она любит танцевать голой на столе, а потом поджигать свой газовый выхлоп зажигалкой и при этом петь: «Взвейтесь кострами»...?
- Мне не нравится этот шизанутый утырок, – покачала головой Юта. – Когда он на меня смотрел, в его глазках что-то зашевелилось. Как будто он все понимает и очень глубоко шифруется. Клай, мне кажется, он не тот, за кого себя выдает.
- У тебя мания преследования, – сказал Клай, делая глоток из бутылки. Поперхнулся, вытирая выступившие слезы. – Дерет, как горчица! Попробуй, Лена-Юта.
- Не хочу.
- В коридоре послышались шаги, и вскоре в дверях замаячила неуклюжая фигура Дудла. В его мясистых руках было несколько жестяных мисок.
- Я сейчас, – пропыхтел он, ставя их на стол и вновь засеменяв на кухню.
- Девки спорили на даче... У кого манда лохмаче, – зевнув, проговорил Клай. Он взял соленный огурец, и, надкусив, удовлетворенно кивнул:
- Оказалось, что лохмаче у самой хозяйки дачи.
- А вдруг это она? – заговорила Юта. – Его тетка там, следит за нами?
- Клай вновь приложился к бутылке, щеки его покраснелись.
- Если она еще не старая, я готов ей вдуть, – сказал он, рыгнув.
- Тогда я оторву твои яйца, – пообещала Юта. Она улыбалась, но в ее пронзительном взгляде сквозил холод. – Вообще берега попутал, мальчик.
- Ты мне что, жена, что ли? – прищурился Клай. – Только попробуй меня ревновать, сучка. Я тебе сиськи на спине узлом завяжу.
- Он вытащил из миски ломтик сала, обнюхал его, затем сунул в рот. – Не забывай, кто к кому в свое время обратился за помощью. Это ты ко мне чуть ли не на карачках приползла.
- Лицо Юты исказилось в отталкивающей гримасе. Она уже хотела что-то сказать, как вошел Дудл.
- Мы не будем ждать мою тетю? – спросил заискивающим тоном, глядя как Клай с бесцеремонным видом жует сало. – И поужинаем вместе?
- Кто опоздал, тот не ест, – сказал тот с набитым ртом.
- Дудл сел за стол, с вождением глядя на миски, наполненные нехитрой снедью. Было видно, что какое-то время чувство ответственности перед родственницей отчаянно борется с сосущим голодом. Очевидно, разложенная на столе еда перевесила чашу весов, и он, вздохнув, подвинул к себе тушеные кабачки.
- Что это за макулатура? – осведомился Клай, кивая в сторону подоконника, заваленного тетрадами. – Мемуары? Или вы это вместо туалетной бумаги используете?
- Дудл захихикал, роняя изо рта кусочки пищи, словно услышал остроумную шутку.

– Не, Клай, – сказал он, продолжая поглощать кабачки. – Для туалета тетя Онания приносит газеты. Если их нет, я лопухов в лесу набираю. На подоконнике мои книги.

Юте показалось, что она ослышалась.

– Книги? – недоуменно переспросила она.

– Конечно. Я ведь писатель, – ответил Дудл. Он вытер рот, скромно потупившись. – По моим книжкам скоро будут фильмы снимать.

Клай чуть не поперхнулся вареной картофелиной.

– Ну да, – откашлявшись, произнес он. – Не сомневаюсь, они получают «Оскара». О чем хоть пишешь, Пушкин ты наш ненаглядный? Как ты ходишь из комнаты на кухню, а потом в сортир и обратно? А между делом душишь одноглазую змею и развлекаешься с футбольным мячиком?

Дудл, казалось, даже не заметил язвительного намека.

– Ну почему же. Я пишу обо всем, – ничуть не смутившись, ответил он. – Настоящий писатель должен быть это... раз-но-сто-рон-ним. Он должен уметь писать все – от мелодрам до «хоррора».

Юта замерла с открытым ртом. Перехватив внимательный взгляд Клая, она недоверчиво спросила:

– Так ты что, алфавит знаешь?

Клай засмеялся.

– Знаю, – невозмутимо сказал Дудл, вновь сунув в рот ложку с кабачками. Казалось, обидные издевки незваных гостей его вовсе не цепляли. – Я ведь много читал. Писатель должен постоянно повышать свой уровень. Иначе будет топтаться на одном месте. И он не сможет развиваться, – чавкая, закончил он.

Юта молча взяла одну из тетрадей. Открыла и склонилась над свечой, скользя взглядом по каллиграфическому почерку.

«Красиво пишет, стервец», – подумала она, а вслух прочитала:

– *ДОЛИНА ОТВЕРЖЕННЫХ*. «Смысл жизни только в одном – в борьбе». Антон Павлович Чехов».

Девушка подняла голову, задумчиво посмотрев на Дудла. Он сидел, склонившись над миской с картошкой, и торопливо жевал, словно в любой момент у него могли отобрать его ужин.

Юта вновь уткнулась в потрепанные листы.

«...Близился вечер. Утомленное за день небо наливалось густым пурпуром... Эркили изнемогал от множества ран, полученных в беспощадном бою, но все равно продолжал путь...»

Юта закрыла тетрадь, пытаясь привести мысли в порядок.

– Это фэнтези, – счел необходимым пояснить Дудл, потянувшись за салом. – У меня много жанров. В одной тетради фэнтези, в другой – детективы. В третьей комедии. Есть и книги для взрослых. Ну, вы понимаете, о чем я.

Он вытер липкий подбородок и сально подмигнул Юте.

– Вам же уже есть восемнадцать? – спросил он.

Клай был настолько ошарашен ходом событий, что даже не нашелся, что ответить, а лишь машинально поглощал пищу.

Пока Дудл перечислял свои литературные «труды», Юта взяла следующую тетрадь.

«*ЗОВИ МЕНЯ «МЯСОРУБКОЙ»*», – прочла она, чувствуя, как по спине заструился неприятный холодок. Она пролистнула несколько страниц, вчиталась в аккуратные строчки без единой пометки:

«...широкое лезвие вошло в трепещущую плоть, словно в торт... брызнула горячая кровь... Она зашлась в истошном вопле, но Мясорубка, ухмыляясь, проткнул ее соски крючьями... Крючья крепилась к стальным цепям, которые Мясорубка намотал на кулаки...»

Юта положила «рукопись» обратно.

– Ты что, не любишь ужастики? – спросил Дудл, с интересом наблюдавший за девушкой.

– Нравятся, – машинально ответила она. – Но, к сожалению, у меня нет времени, чтобы сейчас читать твои книги. Да и света маловато, при свечах глаза портить...

– Ничего, я не обижаюсь. Кстати, ужастики бывают разными, – авторитетно заявил Дудл, по очереди облизывая толстые пальцы. – Есть темы с привидениями и домами, где ночью хлопают двери. А есть «мясные»... про маньяков с бензопилами.

Юта подумала о странном шорохе за окном и зябко повела плечом.

– У меня есть один рассказ, он очень нравится моей тете, – продолжал Дудл. – Он про художника, которого никто не понимал. Этот художник сошел с ума. Он начал воровать младенцев из родильных домов, а когда роддомы стали охранять – покупал детей у бомжей. Он устроил в подвале мастерскую, где поставил огромную мясорубку. В мясорубке художник прокручивал младенцев, а из полученной каши рисовал картины. Чтобы они не воняли, он обрабатывал...

– Отличная история, – перебил его Клай. – Я где-то слышал уже эту сказку.

Дудл нахохлился, напоминая енота, у которого из-под носа забрали еду.

– Ты не мог ее нигде слышать, Клай, – сказал он, обиженно надув губы. – Это я придумал.

Клай взял в руки бутылку, глотнул, с шумом выдыхая:

– Ладно, не напрягайся. Ты прямо Стивен Кинг, Дудл. Не ожидал, если честно.

– А вот совсем недавнее, – продолжил толстяк, не обратив внимания на комплимент. – Про работника морга. Он оставался на ночь в морге и развлекался с трупами молодых девушек. Резал дырки в теле и насиловал их в отверстия. У этого мужчины была дочь, которую он бросил вместе с женой. Много лет назад. И вот как-то в морг доставили очень красивую девушку. Она была беременна. И тот мужик узнал в ней свою дочь. Он не очень любил ее и вскрыл ее живот. Ребенок еще дышал, и этот мужик...

Дудл загнулся, видя, что Клай с Ютой слушали его вполуха.

– Гм... Но, наверное, я не буду вам всего рассказывать, – помявшись, произнес он. – Лучше вы потом сами прочтете. А хотите, я про вас напишу книгу?

– Про нас? – переспросила Юта.

– Ну да, – оживился толстяк. Казалось, он уже мысленно прорабатывал сюжет предстоящего романа. – А что тут такого? Например, она будет называться «Тени на дороге». Допустим, Юту изнасиловал богатый банкир, и Клай в отместку сжег его офис, а банкиру отрезал голову. И теперь за вами гонятся не только менты, но и дружки банкира. И вы ездите по трассам и всех убиваете на своем пути. Но потом у вас сломалась машина, и вы попали ко мне в дом. Как вам идея?

– Мне нравится, – похвалил Клай. Внешне он держался в присущей ему развязно-нагловатой манере, хотя внутри у него что-то неприятно зацарапалось. Он был поражен, услышав слова Дудла о сюжете для книги, который прямо-таки зеркально отражал реальность.

«Этот идиот практически попал в «десятку», описав наши похождения!» – с изумлением подумал он.

И вообще, кто этот странный псих?!

«Он далеко не идиот, раз умудрился что-то написать», – шепнул внутренний голос, и Клай заерзал на топчане.

– Ну? – настаивал Дудл. – Нравится сюжет?

– Нравится, – хмыкнул Клай. – Только давай так. Пусть мы в конце живы останемся.

Идет?

– Идет, – улыбаясь, проговорил Дудл. – Что вам еще рассказать?

– Может, хватит на сегодня? – вмешалась Юта.

– Ну почему же? – внезапно сказал Клай, и она потрясенно уставилась на друга.

– Дудл оказался не просто гостеприимным хозяином. Но и талантливым человеком, – с плохо скрытым сарказмом произнес Клай. Он улыбался, но глаза его были похожи на две темные бойницы. – За окном ливень, гром... А здесь тепло, классная компания, да и «пузырь» есть... Что еще нужно для уютного вечера? Правда, Дудл?

– Правда, – поддакнул толстяк. Покончив с картошкой, он отодвинул миску и положил толстые руки перед собой, словно школьник за партой. – Я расскажу вам одну историю. Правда, концовки пока нет... Но надеюсь, вы поможете мне советом. Ходили слухи, что нечто подобное было на самом деле... Типа, как сейчас модно, «основано на реальных событиях»...

– Валяй, – подбодрил его Клай, поудобнее устраиваясь на топчане. Алкоголь подействовал мгновенно, по телу стремительно разлилась приятная истома, все мысли, связанные с недавними злоключениями на заправке, растворились, как дым.

– Вы когда-нибудь слышали об НЦСТ? – неожиданно спросил Дудл.

– Нет, – ответил Клай. – Ты хотел сказку рассказать, а не загадки загадывать. Не грузи, Дудл.

Толстяк перевел взгляд на Юту, но она лишь молча покачала головой.

«Он стал другим», – удивленно подумала она.

В самом деле. В пустых бесцветно-водянистых глазах толстяка заискрились огоньки, короткие, неуклюжие фразы постепенно выстраивались в продуманные и наполненные смыслом предложения.

– Этот термин означает «нетерпимость к целостности собственного тела», – объяснил Дудл. – Есть такое явление, оказывается. То есть рождается человек и живет припеваючи. Идет время, и вдруг к двадцати годам он понимает, что у него, к примеру, лишнее ухо. Или рука. А может, даже нога. И люди готовы заплатить большие деньги, чтобы хирург провел операцию по ампутации этой части тела. Но законы наши таковы, что за такие вещи можно оказаться в психушке. Да и потом, человек после ампутации часто становится инвалидом. А государство должно платить ему пенсию... так что в России это пока не распространено. Но некоторые находят выход. Они травмируют конечность, а в рану специально заносят инфекцию, чтобы началось нагноение... Когда уже начинается гангрена, врачу ничего не остается, как отрезать гниющий кусок плоти.

Дудл сложил пальцы в «замок».

– Но это я так, типа, вступление. Рассказ мой будет о маленькой девочке. Я специально не буду давать ей имя... Впрочем, имен не будет и у других героев книги. А то вы запутаетесь. Пусть она будет просто Девочкой... Итак, Девочка была добрым и отзывчивым ребенком. У нее были любящие родители – Мама и Папа. Семья была богатой, и они собирались отметить день рождения дочки. Ей исполнилось семь лет. С этого момента все и началось...

Дудл умолк. Наморщив лоб, он уставился на свои сплетенные пальцы.

– Забыл? – ехидно поинтересовался Клай. – Юта, дай ему тетрадь. Пусть хоть читает...

– Нет там тетради с этим рассказом, – медленно произнес Дудл. – Я только собираюсь написать его, а сейчас у меня все в голове. Просто я пытаюсь представить эту картину... так получается красочнее, когда у тебя все перед глазами... Как сказал один писатель, главное, не уметь писать... главное – уметь видеть то, о чем ты хочешь написать...

Он поднял голову. Отекшие глаза Дудла были слегка сощурены, словно ему мешала свеча, огонек которой трепетал в нескольких сантиметрах от его одутловатого прыщавого лица.

* * *

... Девочка очень любила природу, и животный мир в особенности. И когда один из мальчишек раздавил жука, она его ударила палкой. Хулиган заревел и убежал в дом. Он обещал, что пожалуется родителям, но Девочка не боялась наказания. Она знала, что Папа и Мама

на ее стороне. Они с другими ребятами стали запускать воздушного змея, но тот случайно вырвался из рук и запутался в огромном дереве, что росло за участком.

«Жалко, – сказал уныло один из мальчишек. – Он застрял так высоко! Никто его не достанет...»

Девочка вышла вперед.

«Я достану», – сказала она и решительно полезла на дерево. Дети разинули рты и смотрели, как она карабкалась по дереву. Тем временем Девочка лезла все выше и выше, а ветки становились все тоньше и тоньше. Подул сильный ветер. Казалось, змей был совсем рядом... Осталось всего несколько сантиметров...

Пока Девочка пыталась дотянуться до воздушного змея, вернулся ее Папа. Он был в командировке и специально отпросился пораньше, чтобы поздравить дочку. Когда он приехал, он увидел дочку и поцеловал ее. Он заметил, что рука Девочки забинтована, но ничего не сказал при детях. А когда появилась возможность, он спросил об этом Маму.

«Она просто порезалась о стекло», – объяснила Мама, но Папа видел, что она что-то скрывает. Он наклонился и прошептал Маме на ухо:

«В прошлом году наша дочь пыталась отрезать ножницами палец. Сейчас у нее забинтована рука. Что произошло, пока меня не было?»

И тогда Мама показала знаком, чтобы Папа вышел наружу. Она вышла следом и сказала:

«У нас возникли трудности. И если тогда наша дочка пыталась отрезать палец, то позавчера она залезла в гараж, нашла пилу и принялась пилить себе руку. Хорошо, я оказалась рядом. Рана несерьезная, и я сама перевязала ей руку».

Папа побледнел.

«Ее нужно отвезти к врачу, – сказал он. – Ей нужна помощь психолога. Пойду к ней...»

А тем временем Девочка все тянулась к змею. Неожиданно она заметила, как на соседнюю ветку приземлилась бабочка. Она была такой красивой, что Девочка на мгновение позабыла обо всем на свете.

«Вот бы мне превратиться в бабочку, – подумала она мечтательно. – Я бы улетела далеко-далеко... Где вокруг замечательные цветы, всегда тепло и светит солнышко...»

Кто-то внизу закричал:

«Давай скорее, мы хотим играть дальше!»

Девочка вздрогнула и от неожиданности переступила ногами. Ветка вдруг выскользнула, и она ощутила пустоту. Девочка едва успела ухватиться руками за другую ветку. К несчастью, она была очень тонкой и треснула. Девочка повисла над землей. Дети ахнули. Кто-то побежал звать взрослых. А Девочка висела на сломанной ветке и смотрела на бабочку, которая плавно шевелила своими крыльшками.

«Не бросай меня», – тихо попросила Девочка, но ее руки уже не могли держаться, и она разжала пальцы. Она упала вниз, спиной на землю. Папа кинулся к ней, но она уже ничего не слышала и не видела. А перед тем, как Девочка потеряла сознание, на ее щеку приземлилась бабочка...

– Та же самая? – любопытствовала Юта, начиная проявлять интерес к рассказу.

Дудл озадаченно почесал затылок.

– Не знаю, – признался он, поразмыслив. – Но это неважно.

– А что важно? – подал голос Клай. – У девчонки выросли крылья, и она улетела в теплые края?

– Нет, – терпеливо ответил Дудл.

...Девочка сломала позвоночник. Она больше не могла ходить, и ей пришлось пересест в инвалидную коляску. Папа часто возил ее к врачу – своему старому приятелю по службе. Назовем его Врач. Врач как-то странно хромал, но никто никогда не спрашивал его, почему.

Когда Девочка лежала в больнице, он ухаживал за ней, как за дочерью, и подолгу разговаривал с ней. Девочка очень привязалась к Врачу. Потом Девочку вернули к родителям... Но почему-то дома она себя начала плохо чувствовать, и ее снова отвезли в больницу. Так повторялось несколько раз, и родители не знали, что подумать. Как-то раз ее вновь повезли к Врачу – у Девочки была раздроблена рука. Папа был белым, как мел, и его трясло. Было видно, что ему очень страшно.

«Что с ней произошло? – спросил Врач. – Я должен сообщить в милицию!»

Но Папа уговорил друга не делать этого.

«Она нечаянно сунула руку в блендер», – признался он, но при этом не смотрел в глаза Врачу.

«Ты плохо выглядишь», – сказал Врач. Папа хотел что-то сказать, но промолчал.

Через несколько дней в больнице произошел сильный пожар. Здание загорелось ночью, когда все пациенты спали. Погибло одиннадцать детей, большие двадцати получили ожоги. Девочка сгорела во сне. Ее тело обуглилось так, что его невозможно было узнать.

А еще спустя неделю Папа вызвал к себе частного сыщика. Так и будем его называть – Сыщик.

«Я хорошо заплачу тебе, – сказал ему Папа. – Но мне нужна правда. Даже если моей дочери нет в живых, я хочу знать, что произошло».

«Я слышал о трагедии в больнице, – сказал Сыщик. – Чем я могу помочь?»

«Мы были на опознании. И не верим, что тот самый труп, который нам показали – наша Девочка, – сказал Папа. – Я верю своему сердцу. Может, она еще жива?»

Сыщик обещал подумать, а потом перезвонил вечером и сказал, что согласен провести расследование.

Вечером он сидел в доме Папы и Мама. Мама сидела с бокалом вина. С тех пор, как с Девочку стали преследовать неудачи, она стала много пить.

«Мы считаем, что наша Девочка жива, – начал Папа. – Только я не могу понять, кому и зачем она понадобилась».

«Где находится труп той девочки, что вам показали в морге?» – спросил Сыщик.

«Его кремировали», – ответила мама.

«Это плохо, – сказал Сыщик. – Вам нужно было просить сделать экспертизу. Тогда можно было точно установить – ваша эта Девочка или не ваша».

«Это не она! – закричал Папа. Его глаза сверкали. – Я могу узнать своего ребенка!!!»

«Хорошо, – спокойно сказал Сыщик. – Вы хотите узнать, жива ли ваша Девочка и готовы заплатить за это».

Папа кивнул.

«Мне нужны подробности о вашей Девочке», – сказал Сыщик.

Папа нахмурился.

«Какие еще нужны подробности? Вот ее фотографии, вот медицинская карта из поликлиники...»

«Вы меня не поняли. Я слышал, ваша дочь занималась членовредительством. Сознательно. Мне нужно знать правду».

Мама вздрогнула и выронила стакан с вином.

«Я пойду, мне нехорошо», – сказала она и, шатаясь, вышла из комнаты.

«Я хочу, чтобы это осталось между нами, – тихо сказал Папа, когда они остались вдвоем с Сыщиком. – Видите ли... Наша Девочка получила серьезную травму. Она упала с

дерева и сломала позвоночник. Но кроме этого, у нее произошли изменения в голове. Очень нехорошие изменения».

Папа тяжело вздохнул и продолжил:

«Ей начало казаться, что она – бабочка. Представляете? Требовала сказки и истории только про бабочек. Смотрела мультфильмы про бабочек и документальные фильмы про них... Просила, чтобы всю комнату обвешали фотографиями цветов и бабочек... Мы надеялись, что это все пройдет, но становилось только хуже и хуже. Вскоре она потребовала, чтобы ее кормили только нектаром, медом и фруктовым соком. От другой еды она отказывалась. При каждой возможности она пыталась откусить себе какой-нибудь палец... Мы прятали от нее все острое...»

Папа наклонился к Съицику. Лицо его было потным и бледным.

«А потом она стала просить, чтобы ей на лице сделали хоботок. Ведь в природе бабочки пьют нектар с помощью хоботка!»

Съицик вежливо слушал, лицо его было спокойным.

«Однажды мы нашли коляску пустой и сильно испугались, – опять заговорил Папа. – Мы долго искали Девочку и нашли ее в чулане, среди старых вещей. Она приползла туда, представляешь? Со сломанным позвоночником! Отталкиваясь руками! Нашла старый спальный мешок, развернула его и залезла внутрь!»

Папа начал плакать.

«А когда мы стали вытаскивать ее наружу, она закричала, чтобы мы не трогали ее! Она сказала:

«Я гусеница... Потом я стану куколкой, не мешайте мне. И однажды утром я проснусь красивой Бабочкой!»

Съицик осторожно сказал:

«Вашу дочку нужно было показать психиатру».

«Да, это надо было сделать... мы надеялись, что все изменится. Но сейчас-то уже какая разница? – ответил Папа. – Просто узнай, что с ней случилось».

Съицик ушел, и почти месяц от него не было никаких известий. Папа не знал, куда себя деть от неопределенности. Мама теперь плала каждый день, и они постоянно ругались. Уже давно они спали отдельно и втихую ненавидели друг друга.

Наконец Съицик позвонил и сказал, что у него есть важные новости.

Нервы у Папы и Мама были на пределе. И когда Съицик вошел в их дом, они уже готовы были кинуться друг на друга.

«Вы нашли нашу Девочку?!» – одновременно закричали они.

«Нет, – ответил Съицик. – Но мне кажется, я знаю, кто ее мог забрать».

И он положил перед родителями фотографию.

Лицо Папы потемнело.

«Вы с ума сошли? – крикнул он. – Это ведь Врач! Мой друг! Он лечил нашу Девочку!»

«В наше время все может случиться, – улыбнулся Съицик. – Друг может предать друга. Жена может изменить мужу и так далее. Выслушайте меня, а потом решайте, верить мне или нет».

Родители уставились на Съицика.

«Я начну издалека. Во-первых, Врач постоянно проводил время с вашей дочерью, даже когда это была не его смена. Это заметили медсестры и другие врачи. Одна из медсестер мне по секрету рассказала, что на каком-то фуршете Врач выпил и случайно признался, что обязательно усыновил бы Девочку, если бы она была одинокой. Но у нее были вы... Во-вторых, сразу после пожара Врач уволился, и никто ничего о нем не слышал. В-третьих, и самое главное. Я беседовал с жильцами дома возле больницы. Одна старушка мне рассказала, что видела, как начался пожар. Как только из окон начал валить дым, с черного входа вышел

Врач. В руках у него был странный сверток, и он очень торопился. Он сел в машину и быстро уехал. А в эту ночь у Врача был выходной! Что он делал в больнице ночью, когда случился пожар?! Что или кто у него был в руках?!»

«Этого не может быть», – оторопел Папа. Он выглядел растерянным и напуганным.

«Я нашел этого Врача, – заявил Сыщик. – Он сдает свою квартиру, где раньше жил. А сам уехал в старую деревню, где у него дом. Дом окружен высоким забором. Поэтому решайте. Если хотите, можно написать заявление в милицию».

«Нет, – сразу отказался Папа. – Если ничего не подтвердится, меня будут считать дураком и будут все смеяться».

«Вам важно найти ребенка, или то, что над вами буду смеяться? Если хотите, я могу попытаться проникнуть к нему в дом, – предложил Сыщик. – Правда, это будет стоить денег».

Папа сразу же согласился.

«О деньгах не беспокойся, – сказал он. – Я заплачу тебе, сколько надо».

После этих слов Дудл затих. Сгорбившись, он обхватил виски чумазыми руками.

– Эй, ты че? – удивился Клай, который до этого момента увлеченно слушал толстяка. – Уснул, что ли?

– Нет, – всхлипнул Дудл. Он поднял голову, и Клай с Ютой с изумлением увидели, что оно мокрое от слез.

– Просто каждый раз, когда я вспоминаю этот рассказ, мне становится очень жаль эту Девочку, – сказал он, шмыгнув носом. – Девочку и ее родителей... Представляете, каково им? Они каждую секунду переживают за нее... мучаются...

– И это говорит кекс, который пишет, как художник прокручивает младенцев в мясорубке, – ухмыльнулся Клай. – Обоссаться можно, да, Юта?

– Разве я похож на кекс? – растерянно проговорил Дудл.

– Ладно, давай дальше, – сказала Юта. Она сидела на топчане, поджав ноги и обхватив колени руками.

– Та-а-ак... – протянул Дудл. Он наморщил лоб, словно вспоминая, на каком именно моменте он прервал свой рассказ. У него было такое озабоченное выражение лица, словно кто-то пытался в его голове повернуть намертво проржавевший кран.

– Сыщик собрался пойти к Врачу, – подсказала ему Юта, и толстяк облегченно вздохнул. – Да, именно так...

...Сыщик приехал в деревню и нашел дом, в котором затаился Врач. Он долго наблюдал за домом и однажды увидел, как наружу вышел Врач. Он был на костылях, потому что одной ноги у него не было. Купив кое-что из продуктов в магазине, Врач вернулся домой. Этой ночью Сыщик решил проникнуть на участок. Он взял с собой пистолет, веревку, фонарь, нож и еще всякие мелочи.

Ему повезло – ночь была безлунной. Сыщик тихо перелез через забор и подошел к дому. Все окна были закрыты ставнями, дверь заперта изнутри. Сначала Сыщик решил проверить гараж. Он почему-то был открыт, и Сыщик зашел внутрь. Гараж был завален разным хламом, но взгляд Сыщика тут же наткнулся на несколько банок с медом. А на одной из полок лежала книжка про бабочек. Сыщик стал осматриваться более внимательно и увидел, что одна стенка гаража полая. Он толкнул ее, и она упала. За стенкой был маленький закуток с дверью в полу. Сыщик распахнул люк и увидел ступени, которые уходили глубоко под землю. Он включил фонарь и начал спускаться вниз. Перед ним оказался длинный коридор с тусклыми лампочками, и он осторожно двинулся вперед. Когда Сыщик дошел до самого конца,

он неожиданно увидел железную дверь. Она тоже была открыта. Но как только он вошел внутрь, тут же зажегся свет.

Врач стоял перед ним на костылях и смотрел на него.

«Вы совершаете преступление, – сказал он, улыбаясь. – Незаконно проникли на чужую территорию, как вор. Вы это знаете?»

«Где Девочка? – спросил Същик. Он достал пистолет и наставил его на Врача. – Я знаю, что она у вас».

«Это еще почему?» – удивился Врач.

«У тебя в гараже мед и книжки про бабочек. Девочка сходила с ума по бабочкам».

Врач расхохотался.

«Покажи мне хоть один закон, который запрещал бы держать в гараже банки с медом. И книжки про бабочек», – сказал он, закончив смеяться.

«Веди меня к ней!» – приказал Същик.

«Тебе не мешает нога? – вдруг спросил Врач. – Я могу тебе помочь, если это так. Мне вот мешала, и я ее отрезал. Сначала отрезал пальцы на ноге, но потом понял, что этого недостаточно, и оттяпал всю ногу... Человек рождается с кучей лишнего. Вот только он не всегда понимает, что именно ему нужно для того, чтобы обрести счастье».

«Ты ишизик, – сказал Същик. – Веди меня к Девочке или я отстрелю тебе яйца! Похоже, они тоже у тебя лишние!!!»

«Идем», – сказал Врач и нехорошо улыбнулся. Он повернулся спиной к Същику и толкнул дверь, которая была вмонтирована в стену. Перед ними открылся новый туннель, совсем узкий, и Същику приходилось пригибать голову, чтобы не набить ишишек. В подземелье гулко стучали костыли Врача. Он шел вперед и холодно улыбался. А Същик крался сзади, в каждую секунду готовый отразить нападение.

Наконец они пришли в большую темную комнату, и, когда Врач зажег свет, Същик потерял дар речи. На стенах комнаты, от пола до потолка, висели человеческие трупы, приколотые стальными прутами. Тела были без рук и ног, в маскарадных костюмах насекомых. Там были жуки, стрекозы, божьи коровки, тараканы, кузнечики... И, конечно, бабочки. Същик с ужасом заметил, что одно из тел еще совсем недавно было живым – лицо умершего только-только начало разлагаться, а пол под ним был в засохших пятнах крови.

«Он прибывал их живыми», – подумал Същик. Он успел заметить, что Девочки среди умерших нет, и направил пистолет на Врача.

«Как тебе моя коллекция? – поинтересовался Врач как ни в чем не бывало. – Ни у кого такой нет! Согласен?»

«Ты сумасшедший! – завопил Същик. – Быстро признавайся, где Девочка!»

«Давай я отрежу тебе руку, – предложил Врач. – Обещаю, ты сразу почувствуешь себя лучше!»

«Это тебе надо было отрезать себе бабку, а не ногу!» – заорал Същик.

За его спиной послышался какой-то шорох, но только он смог обернуться, как на его голову обрушилась тяжелая дубина. Он все же успел выстрелить. Последнее, что он успел заметить, – была толстая тетя, нависающая над ним. Потом Същик потерял сознание...

Дудл зевнул, потянувшись.

– Мы можем сделать перерыв, если вы устали, – предложил он, почесав прыщавый нос. – Вы можете поспать, а потом я вас разбужу и продолжим.

– Нет, – хрипло произнесла Юта. Она неожиданно поймала себя на мысли, что во что бы то ни стало хочет услышать концовку этой странной, но жутко интересной истории. При всем при том, что в самом начале этот пухлый грязнуля признался, что повествуемый им рассказ пока еще не закончен...

– Давай дальше, – сказала она, и Дудл кивнул со снисходительным видом. Так заботливый родитель кивает своему ребенку в кроватке, который просит продолжения захватывающей истории.

...Сыщик пришел в себя от того, что ему лили воду на лицо, – заговорил Дудл, глядя в одну точку. – Он сидел привязанным на стуле. Рядом с ним стояла толстая тетя – та самая, что ударила его. Будем называть ее Тетей. У нее была перебинтована рука, сквозь бинт проступила кровь. Что-то показалось Сыщику в ней странным, и только чуть позже он догадался – у Тети была всего одна грудь.

«Ты ранил меня, уродец, – сообщила она Сыщику. – Но я на тебя не сержусь».

«Освободи меня, жирная сука», – потребовал Сыщик, но Тетя лишь засмеялась. У нее были черные, гнилые зубы, а изо рта пахло так, словно там был мусоропровод.

«Куда ты дела свою сиську? – спросил Сыщик. – Она тебе тоже мешала?»

Тетя перестала смеяться и вцепилась ему пощечину. Удар был такой силы, что губы Сыщика лопнули, как тухлый помидор, потекла кровь.

В этот момент открылась дверь, и в комнату, стуча костылями, проковылял Врач. С помощью Тети он развернул стул с Сыщиком, и тот оказался перед длинной занавеской на стене.

«Ты хотел увидеть Девочку? – спросил Врач. – Хорошо, я покажу тебе ее. И ты очень удивишься, когда поймешь, что она счастлива».

С этими словами Врач отодвинул занавеску, и перед Сыщиком появилось толстое зеркальное стекло.

«Смотри», – хмыкнул Врач, и они с Тетей подвинули Сыщика вплотную к стеклу, за которым была еще одна комната. Это было странное помещение, вроде полусферы, то есть потолок был похож на купол. Этот купол был выкрашен наподобие неба – с солнышком, облаками и яркой радугой. А еще там было много бабочек. Больших и маленьких, самой невообразимой расцветки. Из центра купола торчал стальной крюк, с которого свисали ремни. А на этих ремнях, в метре от пола висела Девочка. Взглянув на нее, Сыщик побледнел. Рук и ног у нее не было, на ее теле был плотный чехол, раскрашенный под тельце бабочки. И крылья. О боже, какие красивые были у нее крылья! На голове Девочки были тоненькие пружинки с пушистыми мячиками на концах. Девочку осторожно раскачивала пожилая женщина, которая сидела в инвалидной коляске. Она была необычайно толстой. На ней, как и на Девочке, тоже был костюм бабочки, хоть и не такой красивый. Но что больше всего поразило Сыщика, это ноги старухи. Жирные ляжки сразу же заканчивались ступнями, которые были обуты в туфли на высоких шпильках. То есть середины ног – от бедра до лодыжек, у бабки не было.

«Нравится? – спросил Врач, который внимательно следил за реакцией Сыщика. – Это моя мама. Ей хотелось быть похожей на Гномика. И я вырезал лишние куски ног. Теперь она маленькая, как Гномик. Вот только ходить ей сложно. Но это не мешает моей маме ухаживать за Девочкой. Кстати, теперь она уже не Девочка, а Бабочка. Видишь? Она счастлива. Только попробуй заведи ее домой, у нее начнется страшная истерика. И она умрет в мучениях, – сказал Врач. – Она отвыкла от людей. Навсегда. Она считает людей Злом. А знаешь почему?»

Сыщик убито молчал. Он не знал, что ответить на слова Врача.

«Я показывал Бабочке фильмы, как люди ловят сачками насекомых и сушат их. Как прокалывают булавками и засовывают под стекло, вешают на стену. Бабочка ненавидит людей. Обрати внимание, моя мама тоже наряжена в бабочку. Я тоже одеваюсь в костюм кузнечика, когда вхожу внутрь. Нас Бабочка не боится. Мы для нее дружная и крепкая семья. Мы едины».

«Ее родители сходят с ума, – сказал Същик. – Они ее ищут, а ты устроил тут цирк для сумасшедших».

«Она давно забыла о своих родителях, – равнодушно возразил Врач. – Им нужно было раньше суетиться, когда с Девочкой начали происходить изменения. А они таскали ее по больницам и ждали, что все рассосется само собой».

«Откуда ты взял труп ребенка, который выдал за Девочку после пожара?»

«Нет ничего невозможного, – ответил Врач. – Я взял из морга девчонку-сироту, ее некому было забирать. Но судя по всему, родители Бабочки не поверили, что это их ребенок».

«Ты украл Девочку. Ты запер ее в подzemелье... И ради всего этого ты поджег больницу?!» – воскликнул Същик. Он не мог поверить в происходящее. «Ты убил столько детей ради этого?!»

«Ох, сколько пафоса и эмоций! – беспечно засмеялся Врач. – Хорошо, я расскажу тебе. Времени у меня хватает. Когда Бабочку привезли ко мне, я сразу почувствовал, что мы принадлежим друг другу. И я, и она желали освободиться от лишних частей тела. Только в отличие от меня у Бабочки была мечта... И мы поняли друг друга без слов. Теперь ее мечта исполнилась. Подумаешь, пожар в больнице... Это мелочи по сравнению со светлыми чувствами, согласен? Кстати. Можешь меня поздравить. Я скоро стану папой, – с улыбкой сказал Врач. – Видишь ли, некоторое время мы пробовали завести детей. Жены у меня нет, зато была сестра».

Врач показал на Тетю, которая все это время сверлила Същика преисполненным ненависти взглядом.

«Но у нас рождались какие-то уроды, то слепые, со скошенными черепом, то с тремя ногами, а один раз даже с хвостом. А когда появилась Бабочка... Свежая, чистая, здоровая самочка. Она любит меня. И родит мне сына», – торжественно закончил Врач.

«Ты чертов педофил! – закричал Същик, теряя остатки самообладания. – Ей же всего двенадцать лет!»

«Ну и что? Когда между двумя созданиями возникают чувства, возраст не имеет значения...» – хихикнул Врач.

Същик снова посмотрел на Девочку, точнее, уже на Бабочку.

Она счастливо смеялась и раскачивалась, а ее красивые крылья развевались, как два волшебных паруса.

«У меня к тебе предложение, дружок», – обратился к Същику Врач. Они с Тетей развернули стул с Същиком спиной к стеклу, потом Врач закрыл окно занавеской и сказал:

«Оставайся с нами. Будешь помогать моей маме: качать Бабочку, мыть ее, менять пеленки. Скоро она родит, забот прибавится. Единственное условие – ты никогда не поднимешься наружу. У тебя будет еда и теплая постель. Я буду приносить тебе газеты. Может быть, в одной из них ты прочтешь, что пропал без вести опытный Същик, хе-хе. И еще. Чтобы ты не убежал, я кое-что обрежу у тебя. На тебе и так полно лишнего, целое непаханое поле... И как ты только живешь со всем этим?»

«Меня все устраивает», – буркнул Същик.

Врач усмехнулся.

«Ну как, согласен на мое предложение?»

Същик напряженно думал. Что делать?! Он понимал, что если согласится, то погибнет в этом страшном подzemелье.

«А если я откажусь?» – спросил он, чтобы потянуть время.

На лице Врача заиграла ухмылка.

«Это твое право выбора. Я не стану тебя убивать и отпущу. Вот только половина тебя останется здесь».

Същик тянул время, а сам незаметно двигал руками – он пытался расслабить узлы. И когда Врач начал терять терпение, он вскочил и ударил его стулом. Врач отлетел к стеклу, оборвав занавеску. Потом Същик кинулся на Тетю, боднув ее головой в лицо. Захрустели выбитые зубы, и они вместе упали на пол. Пока они барахтались, Врач поднялся на колени и со всей силы ударил Същика костылем по голове. Перед глазами Същика все померкло, и он выключился.

Снаружи загремел гром, и Дудл, вздрогнув, посмотрел в сторону окна.

– За окном уже ночь, а тети все нет, – сказал он встревоженно.

– Что было дальше? – нетерпеливо спросил Клай. – Давай, Дудл. Ты единственный, кто смог меня заинтересовать своими байками. И твою историю я готов дослушать до конца. Вот мля буду.

– Мля? – переспросил Дудл.

– Рассказывай, – поторопила его Юта.

Дудл расправил плечи и коротко взглянул на девушку. Она перехватила взгляд толстяка, на мгновение поразившись происшедшими с ним переменами.

«Он преобразился буквально на глазах», – ошеломленно подумала она, глядя на парня. Лицо Дудла больше не выглядело идиотским, в глазах появилось осмысленное выражение, исчезла мерзкая слюнявость губ. Он больше не гнусавил, голос был ровным и размеренным, словно Дудл уже много дней каждый вечер пересказывал свои произведения. Изменилась и осанка – толстяк перестал сутулиться и сидел ровно, расправив свободно плечи.

«Дима Букин, – вспомнила Юта, когда этот чумазый неряха представился им с Клаем там, в темном коридоре. – Откуда ты взялся, Дима Букин?!»

...Когда Същик пришел в себя, он ровным счетом ничего не понимал. Он не мог видеть, не мог говорить, он не чувствовал своих рук и ног, – возобновил свое повествование Дудл. – Он все помнил, но был совершенно беспомощным и не понимал, что с ним произошло. И лишь спустя какой-то промежуток времени он услышал голос Папы. Папа взволнованно спрашивал, нашел ли Същик его Девочку.

Выяснилось, что Същика подбросили к дверям Папы и Мамы. Същик выглядел как забитованный окровавленный обрубок. Ни рук, ни ног, ни члена, ни носа, ни ушей, ни губ, ни зубов, ни глаз, ни языка. Но одно ухо все-таки немного слышало – Врач торопился, и, когда прокалывал Същику уши, только повредил барабанную перепонку, но не разорвал ее полностью.

«Где моя Девочка??? – орал Папа, брызгая слюной. Он был вне себя, потому что чувствовал, что Същик его слышит, но ни говорить, ни писать не может, и это приводило Папу в бешенство.

Същик только мычал, пуская слюни. Он ничего не мог сказать.

«Его нужно отвезти в больницу», – едва ворочая языком, проговорила Мама. Она была уже в стельку пьяная, но все равно потягивала вино прямо из бутылки и бестолково топталась рядом с изуродованным телом Същика.

«Никакой больницы, пока я не узнаю про нашу Девочку, – закричал Папа в ярости. – Убирайся отсюда, пьяная скотина!»

Мама расплакалась и ушла, спотыкаясь, а Папа продолжал орать в ухо искалеченному Същику. Наконец, успокоившись, он догадался, что нужно действовать другим способом.

«Если ты меня слышишь, открой рот!» – крикнул он, и Същик тут же открыл рот.

«Если ты нашел Девочку, разинь свою пасть!»

Вот так постепенно Папа узнал, где находится деревня Врача. Он называл буквы по алфавиту, и Същик открывал рот, когда звучала нужная буква. Единственное, Същик умолчал о том, что произошло с Девочкой. Он боялся, что Папа, озверев, убьет его за это.

Когда Папа узнал все, что хотел, он спросил:

«Ты, наверное, знаешь, что от тебя почти ничего не осталось? У тебя только голова и туловище. Ты можешь только жрать и гадить. Ну, еще спать и потеть».

Същик открыл рот. А из-под повязки на пустых глазницах потекли слезы, смешанные с кровью.

«Я могу закончить это. Или подкину тебя в больницу. Тогда до конца жизни ты будешь лежать в кромешной тьме и ссать под себя, – сказал Папа. – Если ты хочешь уйти быстро, открой рот».

Същик очень долго молчал, и Папа уже решил взять его в город, как он открыл рот. Папа засмеялся и, кивнув, принес веревку и полиэтиленовый мешок. Он задушил Същика, после чего засунул труп в мешок. Он уже собирался ехать в деревню к Врачу за дочкой, как вспомнил об одном деле.

Он зашел к Маме. Она лежала на кровати и рыдала, обняв фотографию Девочки.

«Пошел вон отсюда», – крикнула она, но Папа только улыбнулся. Это была жестокая и хищная улыбка, даже не улыбка, а волчья ухмылка.

«Я давно хотел у тебя спросить. Наша Девочка... Признайся, она ведь не моя дочь?»

Мама села на кровати, ее заплаканное лицо побледнело.

«Что ты несешь?!»

«Не лги. Видишь ли, меня с самого начала смущало, что она не похожа на меня. Она другая. И потом, я не помню, чтобы мы трахались, когда ты залетела. Дни не совпадают, понимаешь? Я как раз был в командировке целый месяц, когда ты залетела. Зато я помню, как ты ходила в гости к своей подружке на девичник. И прежде чем нанять Същика, я поручил ему одно дело. Он нашел одну из твоих подруг и выяснил, что на девичнике были мужики. И среди них был один сумасшедший по имени Евгений Варгошин. Признайся, ты ведь перед ним ноги раздвигала, шлюха?»

Он приблизился к Маме, и она испуганно закричала. Папа улыбнулся и дал ей пощечину.

«Я знаю, что ты залетела от него. А ты в курсе, что этот Варгошин – опасный псих? Он убивал мужчин и нанизывал их пенисы на веревочку, как туземцы зубы крокодила. Его убили в тюрьме, он не дожил даже до суда», – объяснил Папа.

Мама молчала, со страхом глядя на Папу.

«Чему теперь удивляться, когда наша Девочка пыталась себе руку отпилить, – сказал он. – Когда у нее такой клевый папаша. Ладно. Я вернусь с Девочкой и разберусь с тобой, чертова шлюха».

Мама с ужасом поняла, что Папа попросту убьет ее. И когда он отвернулся, чтобы уйти, она схватила с тумбочки вазу и кинулась на Папу. Она ударила его вазой по голове, и тот закричал в гневе. Полилась кровь.

«Ах ты, мразь!» – завопил он, толкая Маму. Та отлетела, как кукла, и ударилась головой об угол кровати. Когда Папа перевернул тело Мамы, она уже не дышала.

«Сука. Так тебе и надо», – сказал Папа и плюнул на тело Мамы. Казалось, он стал совершенно безумным. Но он еще помнил, что у него осталась Девочка, которая находилась в руках сумасшедшего Врача...

Папа сел в машину и поехал в деревню Врача. По дороге у него сильно разболелась голова, и он плохо следил за дорогой. В итоге он попал в аварию. Машина загорелась, и он погиб.

* * *

На этот раз Дудл умолк надолго. Его блестящие глаза неотрывно смотрели на трепетавший огонек свечи, которая практически полностью догорела.

– Это что, все? – разочарованно протянул Клай, и Дудл медленно кивнул.

– Неинтересная концовка, – высказала свое мнение Юта.

– А это и не концовка, – возразил Дудл. – Я же сказал, что не знаю, как закончить рассказ.

– Хм... Если бы автор был пендос, то наверняка бы вся твоя байда закончилась бы хеппи-эндом, – задумчиво проговорил Клай. – К примеру, этот батя приехал бы к Врачу, надрал бы всем задницу, спас свою долбанутую на голову дочку, пришел бы ей обратно руки-ноги, и все были бы счастливы. Но мы не пиндосы и не гнивающая Европа. Поэтому я предлагаю другое... И заметь, Дудл, совершенно бесплатно.

– Рассказывай! – поторопил парня Дудл, его глаза возбужденно загорелись.

– Так вот, – важно произнес Клай. – Этот Врач пришел своей Бабочке настоящие крылья, влудил ей по вене какую-то секретную дурь, и она выросла, как Змей-Горыныч. Вылетела из своего подвала и начала летать, сжигая города напалмом. А когда сожгла земной шар, улетела на Луну. Или на Марс, покорять другие галактики. Как тебе, Дудл?

Огонь, горевший в глазах Дудла, быстро угас.

– Не знаю, – вяло проговорил он, ковыряя ногтем застывшие капли воска на столе. – Я еще подумаю.

– А я предлагаю другое, – вдруг заговорила Юта. – Оставим Папу живым. Он спасает Девочку, убивает Врача и привозит дочь домой. А она не может снова жить обычной жизнью. И ночью она перегрызает Папе горло. Потом падает на пол и катится к двери. Но она заперта, и Девочка грызет дверь. У нее, естественно, ничего не выходит, и она умирает от голода и жажды. Так их и находят спустя месяц.

Однако и эта концовка не произвела на Дудла особого впечатления. Он понуро сидел, с угрюмой сосредоточенностью ковыряя воск на столе.

– Я... вот раздумывал, может, попробовать другое? Ну, например, Врач в конце концов умер, – тихо сказал он. – Потом им пришлось уехать из деревни...

– Почему? – удивилась Юта.

– Деревню отдали под военный полигон, – неуверенно произнес Дудл. – И они стали жить втроем...

– Почему втроем? – снова спросила девушка.

– Бабочка все же родила мальчика, – тихо ответил Дудл. – А дальше... дальше я не знаю.

– Ладно, давайте спать, – предложил Клай.

– А я ведь вас обманул, – внезапно промолвил Дудл, не поднимая глаз.

Клай прищурился, весь подобрившись.

– И как же ты обманул нас, жирдяй?

Дудл медлил, словно не решаясь на признание, потом со вздохом произнес:

– Нету тети Онании. Точнее, тети Ани. Извините, но «Онания» – плохая кличка. Просто я стеснялся вам сразу сказать.

– Как это «нету»? – процедил Клай. – Ты что, ее выдумал, писатель хренов?

– Она умерла, – прошептал Дудл. – Извините.

В комнате повисла неловкая пауза.

– Нам очень жаль, – наконец сказала Юта.

Дудл с благодарностью взглянул на девушку.

– Я очень боялся... ну... что вы причините мне зло, – запинаясь, признался он. – Я считал, что если вы будете думать, что я не один... то не станете делать мне плохо. Но вы оказались хорошими. И мы даже подружились, и я решил вам сказать правду...

– Ладно, забыли, – сказал Клай. После признания Дудла его лицо приняло скучающее выражение, и он зевнул, поудобнее укладываясь на топчане. – Всем спать. Слышишь, Дудл?

Толстяк торопливо поднялся из-за стола.

– Спокойной ночи, – хрипло сказал он и быстро, чуть ли не бегом, вылетел из комнаты.

– Не убивай его, – шепотом сказала Юта.

Клай ухмыльнулся и пальцами затушил свечу.

* * *

Ночью Юте привиделся кошмар.

Ей снилось, что посреди ночи она выходит пописать, а когда возвращается, видит, что Клай полностью укрыт одеялом. С ног до головы.

«Хи-хи, – раздаётся из-под тряпья. – Иди ко мне, сладкая».

Юта срывает одеяло и в ужасе кричит: Клай лежит в луже крови, рук и ног у него нет, он шевелит кровотокащими обрубками.

«Клай... о боже... твои руки и ноги...» – дрожащим голосом говорит Юта.

«Они мне не нужны, – хихикает Клай. – И тебе тоже... Иди к Дудлу, он обрежет лишнее...»

Из-под кровати на паучьих ногах выползает полусдувшийся футбольный мяч, на котором намалевано лицо женщины. Глаза моргают, щеки двигаются, словно пульсируя. Из рта-дырки выстреливает мутная клякса спермы.

«Иди к Дудлу, – хлопает мяч. – Иди, иди, иди...»

Юта смотрит на себя и кричит – ее рук тоже нет, вместо них окровавленные культяпки, из которых торчат раздробленные кости.

Она проснулась еще до рассвета и лежала, глядя в обволакивающую тьму. Перед тем как взошло солнце, Юта снова задремала. В какой-то момент ей почудилось, что наверху раздаются какие-то странные звуки, но грань между сном и бодрствованием была настолько тонкой, что девушка тут же забыла об этом...

* * *

Она проснулась от жутких криков.

Села на топчане, растрепанная, с отеками со сна глазами и головной болью, которая высверливала мозг насквозь. В комнате витал устойчивый запах перегара и нестираных носков.

Кто-то снова закричал, тонко и визгливо.

«Дудл. И это не сон», – кольхнулась у Юты мысль. Она торопливо слезла с топчана и, не обуваясь, выбежала из комнаты, тут же наткнувшись на Клая, стоявшего к ней спиной.

– Пожалуйста, – дрожащим голосом проговорил Дудл. Он стоял на коленях, с ужасом глядя на распоротый живот. Из огромной раны высовывалась блестящая петля кишок, которую он пытался запихнуть обратно трясущимися руками. Весь пол под ним был залит кровью, напоминающей в потемках разлитые чернила. – Пожалуйста, не убивай меня, Клай...

– Извини, Дудл, – спокойно произнес Клай. – Ничего личного.

Толстяк взвизгнул и, скользя по крови, неуклюже пополз к выходу, но Клай нагнал его, схватив за сальные волосы.

– Клай, не надо, – побледнев, заговорила Юта. Она положила на плечо приятеля руку, но тот раздраженно сбросил ее.

– Не лезь, сучка, – прорычал Клай. – Твое место на кухне!

– Я думал, вы мои друзья, – захныкал Дудл. Его толстые губы быстро наливались синевой, весь живот до колен потемнел от крови. – А вы меня убиваете...

– Мой друг у меня в руке, – ухмыляясь, сказал Клай, воткнув нож в горло Дудлу. Он тут же отскочил, чтобы не запачкаться кровью, которая ударила из рассеченной артерии тугой струей в стену. Захрипев, Дудл тщетно пытался зажать страшную дыру рукой, но алый фонтан пробивался сквозь его грязные пальцы. Ослабев, он грузно повалился на пол, растекшись бесформенной тушей.

– Мамочка, – булькая кровью, прошептал Дудл.

Клай равнодушно смотрел на судороги умирающего. Наконец чумакая пятка Дудла трепыхнулась в последний раз, и парень затих.

– Одним геморром меньше, – резюмировал Клай. Наклонившись, он аккуратно вытер лезвие об штанину Дудла. – А теперь рвем когти, детка.

Пружинистой походкой он ушел в комнату, а Юта продолжала стоять, в безмолвном оцепенении глядя на остывающее тело Дудла.

«Дима Букин», – вспомнила она с каким-то глухим опустошением. Расползающаяся лужа еще теплой крови коснулась ее грязных носков, но она даже не отступила. Внезапно на нее накатила тошнота, перед глазами все поплыло, и она обессиленно прислонилась к стенке, забрызганной багровыми кляксами.

– Ты что там, уснула?! – раздраженно рявкнул из комнаты Клай. – Одевайся! И возьми чего-нибудь пожрать с собой!

– Я никуда с тобой не пойду, – внезапно сказала Юта.

– Чего?!

Клай выглянул из комнаты, уставившись на нее так, словно у девушки выросла вторая голова.

– Я не расслышал, детка, – вкрадчиво проговорил он.

– Я никуда не пойду, – тихо, но решительно сказала Юта. – И еще... ты ублюдок, Клай.

Глаза Клая округлились.

– Мне что, тебя тоже наказать, тупая сучка? – сквозь зубы произнес он.

– Ты конченный ублюдок и подонок, – устало продолжила Юта. – Этот парень дал нам ужин и ночлег. Да, от него воняет и он дронит на футбольный мяч. Он дурак и псих. Но ты не должен был убивать его.

Лицо Клая окаменело, взгляд посуровел.

– Вот как мы заговорили? Ты забыла, что этот полудурок мог бы нас заложить?

Он медленно вынул из кармана джинсов нож. Тускло блеснуло узкое лезвие, уже очищенное от крови.

– Повтори, как ты меня назвала, – ласково попросил Клай.

Он размахнулся, впечатывая тяжелый грязный ботинок в живот Юты. Согнувшись вдвое, она захрипела и, хватая ртом воздух, беспомощно сползла на пол.

– Повтори! – брызгая слюной, провизжал Клай. – Повтори, как ты меня назвала, чертова сука!!!

Он склонился над свернувшейся в комок Ютой, и она зашлась в истошном крике.

* * *

Из оперативных сводок:

«...как сообщалось ранее, два дня назад произошло нападение на автозаправку в районе Павловская Слобода Московской области... В ходе вооруженного ограбления от ножевых ранений погибла оператор АЗС... Кроме того, был убит мотоциклист... следствие считает,

что он был случайным свидетелем нападения... Задача осложняется тем, что злоумышленниками, судя по всему, были изъяты записи видеонаблюдения... Убийцы забрали дневную выручку из кассы и скрылись... Причастные к преступлению до сих пор не установлены, правоохранителями ведутся разыскные мероприятия по их поимке...»

* * *

Спустя 24 года

За окном такси мелькала уныло-серая стена леса. Чахлые деревья стояли сторбившись, словно в обреченном ожидании армии лесорубов, которым была дана команда сровнять лес с землей. Накрапывал осенний дождик, и водитель включил «дворники».

– Зачем мы сюда поехали? – спросил юноша лет восемнадцати. Высокий, широкоплечий, с густыми светлыми волосами и правильными чертами лица, он пользовался бешеной популярностью у противоположного пола и знал об этом. – Ты ничего не говорила.

– Я когда-то была здесь, – отозвалась хрупкая женщина, задумчиво глядя в окно. На ней был деловой темно-синий костюм, на коленях изящная кожаная сумочка. Из макияжа лишь слегка подведены брови. У нее была подтянутая стройная фигура, и лишь морщинки, окружавшие темные глаза женщины, выдавали ее истинный возраст, граничащий с полувековым рубежом.

– Случайно вспомнила об этом месте, когда мы приземлились... – размеренным голосом продолжила она. – Все равно до нашего рейса еще полдня. Ты ведь не против, Саш?

Парень покачал головой.

– Так куда везти? – не слишком дружелюбно поинтересовался тучный водитель.

– Я скажу, где остановить, – безучастно произнесла женщина. Казалось, в мыслях она была совершенно в другом месте.

– Мам, – позвал Александр, и она встрепенулась, словно выныривая из зыбкой дремы.

– Ты обещала кое-что рассказать.

Женщина какое-то время молчала, затем тихо промолвила:

– Обязательно. Только ты должен мне пообещать, что это останется между нами.

– Не вопрос. Надеюсь, я не давал тебе повода мне не доверять.

– Сбавьте скорость, пожалуйста, – попросила она, обращаясь к водителю, и тот переключился на пониженную передачу.

Александр внимательно посмотрел на мать. За все время он впервые видел ее с таким выражением на лице. Словно... ей вот-вот намеревались сообщить дату собственной смерти. Нервная напряженность, безмерная усталость и отстраненность от внешнего мира – все это смешалось в ее взгляде.

Вздыхнув, она достала смартфон, открыла карту области, увеличила масштаб, затем снова перевела озабоченный взор в окно.

– Ты не помнишь точно, где выходить? – нарушил молчание Александр.

– Нет. Но я надеюсь, что узнаю. *Что-то должно мне подсказать.*

Спустя несколько минут она попросила водителя остановиться, и тот припарковал машину на обочине. Он был крайне удивлен местом высадки – пустынная трасса, сдавливаемая с обеих сторон непролазным лесом.

– Я вернусь через полчаса. Может, чуть больше, – сказала женщина, и водитель недовольно нахмурился:

– А кто за простой будет платить?

Она извлекла из сумочки кошелек, и, вынув пару тысячных купюр, молча протянула их мужчине. Лоб водителя мгновенно разгладился, и купюры молниеносно исчезли в его крупной руке.

– Ты можешь подождать меня здесь, – сказала женщина сыну, но тот отрицательно покачал головой.

– Ты сошла с ума... Если считаешь, что я отпущу тебя одну гулять в лесу, – сказал он, вылезая из машины. – Ты ведь не на обочине будешь топтаться, я правильно понял?

Она тепло улыbnулась.

– Ты все правильно понял. Ну что ж, если не боишься промочить ноги, пошли. Прогуляемся.

Водитель с вытаращенными глазами провожал взглядом странную парочку, перелезающую через ограждения у обочины. Спустя несколько минут женщина с сыном скрылись в зарослях.

– Я не была здесь почти двадцать пять лет, – едва слышно проговорила она, трогая щеку, на которую упала капля дождя. – Ничего не изменилось... Я боялась, лес давно вырубили...

– Тебе надо было сменить обувь, – заметил Александр, глянув на модные сапоги матери с высокими каблуками. Он накинул на голову капюшон толстовки.

– Чемодан с вещами в камере хранения, – ответила женщина. – Я не говорила тебе, что пять лет провела в тюрьме?

Александр застыл на месте, ошалело уставившись на мать. У него был такой вид, словно он только что наступил на грабли, получив по лбу черенком.

– Нет, – только и смог вымолвить он.

– Вообще суд дал мне семь лет, но я освободилась условно-досрочно на два года раньше. Сейчас я попробую найти кое-что... И пока мы будем идти, я расскажу тебе одну историю. В ту ночь я была вместе с Клаем. Так звали одного отморозка, с которым я связалась на свою дурную голову. У меня были выбриты виски и пирсинг в носу. И звали меня не Ирина Львовна, а Юта. Мы скрывались от милиции – на одной из здешних заправок Клай убил двоих людей. Зарезал женщину на кассе и байкера, который за нее вступился... Мы оказались в лесу и...

Юта сглотнула подступивший комок, чувствуя, как в голосе появилась дрожь.

– ...случайно наткнулись на дом в этом лесу. В доме... в общем, там был один парень. Он был очень странным. Мы переночевали, а утром Клай перерезал ему глотку.

– Что дальше? – глухо спросил Александр. Он шел рядом, пытаясь осмыслить информацию, стремительно сыпавшуюся на его голову, словно тяжелые булыжники.

– Перед смертью этот парень рассказал странную историю. Он... вообще, он писал книги. Наверное, громко сказано, «книги», но учитывая, что он был слабоумным, для него это большое достижение... Он признался, что этот рассказ не закончен. И... Саша, можешь себе представить, я постоянно думала над этим рассказом. Извини, я говорю сумбурно... Эти воспоминания...

– Что с Клаем? – спросил Александр, пнув ногой толстую ветку.

– Когда он убил несчастного парня, я сказала, что не пойду с ним, – глухим голосом откликнулась Юта. – Клай рассвирепел. Я думала, он тоже убьет меня, но он лишь сильно избил меня. Так, что я отключилась. Даже не знаю, что на него повлияло, ведь он понимал, что оставлять меня в живых опасно. Когда я пришла в себя, был уже полдень. У меня было выбито четыре зуба, сломана рука и несколько ребер. Клай исчез. Не было и убитого парня – Клай отволок его труп в подвал. Юношу звали Дудл...

– Дудл? – с недоумением переспросил молодой человек, и Юта кивнула.

– Он хотел кличку, и Клай предложил ему называться Дудлом. Дурачок согласился...

– Что потом?

– Я пошла в церковь. Попросила прощения у всех, кому причинила страдания. Потом я направилась в ближайший отдел милиции и все рассказала. Меня тут же арестовали за соучастие в двойном убийстве. По ходу вскрылись другие делишки, которые мы проворачивали вместе с Клаем. Единственное, что я утаила, – нашу ночь в странном доме. Сама не знаю, почему... В общем, Клая начали искать, но тот словно испарился, как дым. Был суд, мне дали семь лет. Принимая во внимание, что мы творили, я должна была благодарить Бога. Когда я освободилась, я вернулась к матери, твоей бабушке. К тому времени она выглядела полуслепой старухой. Мы простили друг друга, так как долгое время не общались. Я поступила в институт, окончила дополнительные курсы. Начала работать в сфере квартирного дизайна. Потом познакомилась с твоим будущим папой. Он работал в области IT-технологий и подавал большие надежды. Как-то его пригласили на какой-то совместный проект во Францию, и его карьере был дан старт... Мы поехали вместе и остались там жить. Потом родился ты. А вчера мы приехали в Россию, чтобы навестить могилку моей матери и твоей бабушки... Вот, собственно, и все. Ах, да. Клая все-таки нашли. Говорят, это были приятели того байкера, которого он зарезал в ту ночь на заправке. Они раздели Клая, заколотили ему в задницу бейсбольную биту, привязали за ноги и на мотоцикле проволокли его по асфальту...

– Достойная смерть для такого уroda, – пробормотал Александр. Он с озабоченным видом посмотрел вокруг. – Надеюсь, ты помнишь, как отсюда выбираться.

– Я тоже, – краем рта улыбнулась Юта. – Не хотелось бы опоздать на самолет.

Она неуклюже шла вперед, с трудом переставляя ноги.

– Значит, ты хочешь найти этот дом? – задал вопрос Александр после паузы.

– Я думала об этом. Хотя, наверное, это глупость. Прошло столько лет... Тот дом наверняка сгнил, или его снесли.

Они опять замолчали.

Юта пристально всматривалась вперед, чувствуя, как учащенно колотится сердце. В какой-то короткий миг она неожиданно ощутила на себе чей-то пристальный взгляд и резко обернулась.

– Ты что? – удивился Александр.

– Так... показалось, – пробормотала Юта, возобновив путь.

«Это Дудл? – прошепел внутренний голос. – Он спрятался за деревом и наблюдает за тобой».

Она поежилась. И хотя женщина прекрасно знала, что тот неряшливый толстяк мертв уже почти двадцать пять лет, воображение мгновенно изобразило отчетливую картину – Дудл жив. И сейчас он притаился за старой сосной, постаревший, заплывший жиром грязный старик с обширной лысиной, обрамленной клочьями седых липких волос. На нем все тот же засаленный комбинезон, а ноги босы и черны от грязи... Глубокий разрез на шее зашит грубыми нитками, отчего теперь Дудл может только шипеть, как змея...

Юта вздрогнула, мысленно прогоняя отталкивающее видение.

– Знаешь, почему я решила сюда заехать? – заговорила она.

Александр вопросительно посмотрел на мать.

– Та далекая ночь изменила меня, – с трудом выговаривая слова, пояснила Юта. – Я даже теряюсь объяснить, почему. Наверное, если бы мы не оказались в том доме, утром я, как послушная собачка, поплелась бы дальше за Клаем. И, наверное, закончила так же, с какой-нибудь хреновиной в заднице.

Она остановилась, и, зажмурившись, подставила лицо морозящему дождю.

– В ту ночь тоже был дождь, – сказала Юта. – Настоящая буря...

Она взглянула на сына.

– Я тебя шокировала?

Помедлив, Александр произнес:

– Ты моя мать. И мое отношение к тебе не изменится от того, что ты совершала какие-то нехорошие поступки в юности. Тем более, что все давно позади.

– Позади, – эхом повторила Юта. – Все, что связано с Клаем, напоминает мне вонючее, заплесневелое одеяло, заляпанное рвотой... Которое я мысленно отнесла на пустырь и сожгла.

Она покрутила головой, оглядываясь.

– Ладно, сын. Ты прав, как бы нам не заблудиться здесь... Впрочем, даже если это и так, по навигатору мы быстро найдем...

Юта осеклась на полуслове, потрясенно вглядываясь в чашу.

– Саша, – прошептала она, схватив сына за локоть. – Саша, посмотри и скажи, что ты видишь то же самое.

Александр повернулся, удивленно вскинув брови.

Вдали среди застывших деревьев виднелись очертания покосившегося дома.

* * *

Через пару минут они стояли перед прогнившим трухлявым крыльцом. Юта медленно двинулась вдоль почерневшей от времени стены, неверяще глядя на глухо заколоченные окна. Она осторожно коснулась ухоженным пальцем потрескавшейся поверхности растрескавшихся досок. Шляпки гвоздей были темно-оранжевыми от ржавчины.

«Боже, как будто это было вчера», – подумала Юта.

– Просто обалдеть, – нарушил молчание Александр. – Неужели никто не знает об этом доме?!

Оглянувшись по сторонам, он поднялся по крошащимся от гнили ступеням, потянул за ржавую ручку. Дверь не шелохнулась. Молодой человек дернул сильнее, и лишь с третьего раза она открылась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.